

О. И. Уланович, О. В. Лапунова

*Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь
e-mail: oksana.ulanovich@mail.ru, olga-2980@mail.ru*

МЕТОД ОЦЕНКИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ ЧЕРЕЗ ОПРЕДЕЛЕНИЕ СИМВОЛИЧЕСКОЙ НАГРУЗКИ И ОЦЕНОЧНОСТИ КУЛЬТУРНОГО КОДА В ЕДИНИЦАХ ЯЗЫКА И РЕЧИ

В статье предлагается описание метода научного исследования, позволяющего выявить особенности семантического пространства лингвокультуры через анализ функционирования культурных кодов в языке и речи. Представлено теоретическое обоснование метода, назначение, объекты исследования, области применения, процедура использования, теоретическая и практическая значимость и новизна.

Ключевые слова: семантическое пространство лингвокультуры; культурный код; этнокультурное мировосприятие; фразеологические единицы; дискурс.

O. I. Ulanovich, O. V. Lapunova

*Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: oksana.ulanovich@mail.ru, olga-2980@mail.ru*

METHOD OF THE SEMANTIC CONTEXT OF LINGUOCULTURE ASSESSMENT THROUGH SYMBOLISM AND EVALUATIVE CONNOTATIONS OF CULTURE CODES IN LANGUAGE AND SPEECH

In the article the authors describe the method of scientific research, which reveals specific features of the semantic context of linguoculture through analysis of cultural codes functioning in language and speech. Theoretical underpinning, scientific application, objects of research, areas and mode of application, theoretical and practical significance and novelty of the method are presented.

Key words: semantic context of linguoculture; culture codes; cultural difference in perception of the world; phraseological units; discourse.

Овладение иностранным языком никоим образом не сводится к усвоению системы знаков, правил и норм их функционирования в иноязычной речевой деятельности. Из популярного сегодня понимания языка как «общественной практики, которая участвует в формировании социального мира» [1, с. 227] закономерно проистекает понимание владения языком как способности к вербальному взаимодействию в коммуникативном про-

странстве лингвокультурного сообщества. Сколь многогранны проявления вербального взаимодействия, интегрирующие разнообразные дискурсивные практики (совокупность ситуационных контекстов с типичными нормативно одобренными речевыми аккомпанентами, дискурсивные речевые жанры и формы), столь же разнообразны и характеристики коммуникативного пространства, формируемого в той или иной лингвокультуре. Культура в своеобразии ее проявлений в ценностях, доминантах, стереотипах, нормах, установках и оценках формирует систему координат, в которой даже универсальные институциональные контексты взаимодействия реформируются и приобретают этнокультурные черты, не говоря уже о существовании и вовсе уникальных форм маркированного социального поведения в каждом культурном сообществе (например, ритуалов). Закономерным образом этнокультурная маркированность присутствует и в речевом «оформлении» и «обслуживании» той или иной ситуации взаимодействия субъектов в обществе. Это позволяет утверждать, что именно этнокультурная специфика социумного пространства детерминирует практику использования языка в любом дискурсе: во всех его институциональных видах, даже в тех, которые привычно расцениваются как наднациональные (например, деловое общение). Тем самым владение иностранным языком предполагает владение тем социокультурным пространством – семантическим пространством лингвокультуры, в котором живет и развивается этот язык, а овладение иностранным языком требует усвоения того культурного фона, который эксплицирован во всех составляющих коммуникативного пространства общества.

Наиболее четкими и очевидными экспликаторами культуры в коммуникативном пространстве общества являются *коды культуры* или культурные коды. По мнению М. Л. Ковшовой, объекты окружающего мира – природа, артефакты, внешние качества и внутренние свойства человека – приобретают в процессе их освоения и познания людьми семиотический смысл, становятся семиотически маркированными материальными объектами в культуре и далее используются для кодирования того или иного содержания. Таким образом, «культурный код – это система знаков (знаковых тел) материального мира, ставших носителями культурных смыслов; в процессе освоения человеком мира они приобрели значимость, которая распознается, декодируется при их восприятии интерпретатором» [2, с. 60]. Культурный код в языке – это класс вербальных знаков, наделенных особым значением (вторичным, сформированным сверх первичного) и значимостью и выступающих эталонными соизмерителями иных явлений с самых разных их сторон в иных единицах языка и речи.

Набор кодов культуры если не универсален, то очень к этому близок, поскольку глобальный окружающий человека мир структурирован неко-

торым унитарным набором «объектных миров», которые и становятся сферами экспансии преобразуемых в символические знаки объектов и явлений: мир живой природы (биоморфный код), неживой природы (природный код), мир артефактов (артефактный код), цвета и оттенки (цветовой / колоративный код), морфология человека (соматический / антропоморфный код) и т. д. Внеациональная общность набора кодов культуры сочетается с тем, что, как замечает В. В. Красных «их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой» [3, с. 232].

Этнокультурная специфика мировосприятия и мировидения народа обнаруживается в компонентном составе, вторичной семантике, символических значениях, оценочности кодов культуры в национальном языке и особенностях их функционирования в речевой коммуникации. Выявление этнокультурных особенностей мировосприятия народа (его ценностных установок, онтологических акцентов, шкалы оценки, концептосферы и т. д.) возможно через изучение функционирования кодов культуры (колоративного, соматического, биоморфного, природного, духовного, временного, артефактного и т. д.) в лексикодах (лексемах вторичной семантики) в различных текстах культурного дискурса (в СМИ, политике, экономике, в художественной литературе, художественном и документальном кино и т. д.), а также в этномаркированных единицах языка (фразеологизмы, паремии, клише).

Культурное значение языкового знака в языке закреплено, в первую очередь, именно во фразеологизмах. Культурный код во фразеологизмах представлен через апеллирование посредством отсылочных образов (образных компонентов фразеологизма) к качествам и характеристикам объектов и явлений иного «объектного мира», которые через глубокое осмысление обрели семиотическую маркированность в культуре и определенную степень эталонности. Отсылочные образы в структуре фразеологических единиц, как замечает М. Л. Ковшова, выступают «трансляторами не только языкового, но и культурного смысла» и «участвуют в создании культурной семантики фразеологизма». «За ними видятся не просто реалии мира, а реалии, получившие определенную культурную значимость. Соответственно наименование таких реалий становится воплощением тех или иных культурных смыслов» [2, с. 61].

Подобно этому трансляторами этнокультурной ментальности являются и образные выражения метафорического типа в речи, которые и формируют систему лексикодов – дискурсивно актуализированных в их вторичной семантике элементов культурных кодов. Причем символическое значение элементов аналогичных знаков культурного кода во фразеоло-

гических единицах языка и в образных метафорических выражениях в речи может как совпадать, так и не совпадать, что только свидетельствует о полисемии культурных кодов даже в рамках одной культуры. Образные метафорические выражения (в отличие от статичных фразеологических единиц) динамичны, создаются и распадаются в актуальном дискурсе: современном политическом, экономическом, медийном, спортивном дискурсе, а также в кинодискурсе и литературном дискурсе.

Если символичность культурных кодов во фразеологических единицах языка транслирует исторически закрепленные эталоны, нормы, отношения и оценки этнокультурного мировидения народа, то в образных метафорических выражениях в речи отражаются приращенные символические значения культурных кодов, актуализируемые здесь и сейчас в современном дискурсе. Таким образом, посредством определения символической нагрузки и оценочности культурного кода в единицах языка (в частности, во фразеологизмах) мы выявляем диахронически структурированные акценты национального мировидения народа; тогда как посредством изучения символичности культурного кода в метафорических выражениях в дискурсе мы можем выявить специфику этнокультурного мировосприятия в горизонтальном (синхронном) срезе общества. И те, и другие данные выступают этнокультурными маркерами коммуникации и детерминантами формата, жанров, форм, моделей вербального взаимодействия в коммуникативном пространстве социума. Отсюда, объективным, достоверным и информативным источником наших знаний о коммуникативном пространстве лингвокультуры является предлагаемый нами *метод оценки семантического пространства лингвокультуры через определение символической нагрузки и оценочности культурного кода в единицах языка и речи и его семантическую стратификацию в дискурсе.*

Итак, предлагаемый метод позволяет установить параметры и акценты этнокультурного мировидения народа – семантическое пространство лингвокультуры – через определение семантического и аксиологического потенциала культурного кода, выявление объема полисемии элементов культурного кода (языковых знаков) в их вторичных (переносных) значениях и анализ приобретенной оценочности. Сравнительные исследования на материале разных языков позволяют уяснить контрастивность национальных языковых картин мира и определить пути достижения межкультурного диалога, что особенно важно при подготовке специалистов в сфере «Коммуникации», в частности переводчиков, лингвистов, культурологов, ориентированных в профессиональной деятельности на обеспечение межъязыкового посредничества и межкультурный диалог.

Дидактическое применение данного метода видится нами как в учебно-исследовательской работе студентов (включение элементов научного

поиска в учебный процесс: практические, семинарские занятия, управляемая самостоятельная работа), так и во внеучебной научно-исследовательской деятельности (осуществление самостоятельных исследований при подготовке курсовых, дипломных работ, в рамках участия в деятельности студенческих научно-проблемных лабораторий и научных кружков).

Использование настоящего метода для проведения экспериментальных исследований включает ряд этапов:

а) определение цели (например, моделирование эмоциосферы человека, структурирование когнитива личности в национальной языковой картине мира, выявление имплицитных установок в политическом общении в данном языковом сообществе, определение комплекса деонтологических принципов сообщества и т. д.) и задач исследования;

б) определение материала исследования (например, текстов дискурса (публичные выступления политиков, материалы СМИ) или языкового материала (паремиологический или фразеологический корпус языка, корпус прецедентных феноменов));

в) установление семантической стратификации и объективации в материале исследования того или иного культурного кода;

г) семантический анализ элементов культурного кода в материале исследования, выявление символической нагрузки (вторичной семантики) элементов культурного кода, классификация и индексирование их семантического и прагматического компонентов (экспрессивного, эмотивного, оценочного и т. д.);

д) описание исследуемого аспекта специфики этнокультурного мировосприятия народа через интерпретацию и обобщение результатов и умозаключения.

Апробирование данного метода обнаружило его высокую научную валидность и информативность, возможность использования на материале разных языков и дискурсов для конструирования различных явлений, выступающих составляющими семантического пространства лингвокультуры.

Так, проведенное нами исследование символического образа **экстремизма / терроризма**, имплицитно моделируемого посредством метафорических проекций в современном англо- (АЯ) и русскоязычном (РЯ) политическом дискурсе обнаружило, что активно используемый в АЯ политической риторике *природный код* культивирует в сознании общества образ экстремизма, как явления стихийного, всеобъемлющего, несокрушимого, неуправляемого (при помощи символических образов «пучина», «бездна», «водный поток», «бушующее пламя», «раковая опухоль») – образ, который дополняется эффектами восприятия экстремизма как некой

мистической сущности, что задается элементами *духовного культурного кода* (за счет образов «зло», «тьма», «ад», «скверна»). У РЯ политиков отсутствует склонность к мистической интерпретации экстремизма. Напротив, доминирующий *антропоцентрический код* в моделировании экстремизма в РЯ политической риторике формирует образ последнего как социально опасного элемента, движимого порочной и злонамеренной человеческой сущностью. Данный образ экстремизма как «осознанного злодеяствия» подкрепляется в РЯ символизмом *природного кода* (терроризм – кровожадный зверь) и *артефактного* (терроризм – орудие, оружие, таран). Как мы можем заметить, в моделировании символического образа экстремизма / терроризма в АЯ и РЯ политическом дискурсе акцентированы разные характеристики явления, фигурируют разные культурные коды, несущие различную символическую нагрузку.

Целью другого нашего исследования с использованием предложенного метода явилось моделирование цветового когнитивного типа личности в АЯ и РЯ лингвокультурах посредством анализа фразеологической активности колоративного культурного кода. Цветовой когнитивный тип личности в РЯ задается ядром из следующих цветолексемов: *черный – белый – зеленый – красный – золотой*. В АЯ ядро формируют следующие цвета в их переносных антропоцентрических значениях: *черный – синий – красный – зеленый – белый*. Тем самым, и в АЯ, и в РЯ ядро формируется базовыми цветами (за исключением *золотого* в РЯ), которые демонстрируют широкий потенциал их вторичных номинативных возможностей за счет, как замечает Е. С. Лукашенко, их важных когнитивных характеристик: закрепленности и выделенности. Низкая степень выделенности и закрепленности у неосновных цветов предопределяет их ничтожный потенциал в развитии дополнительных значений [4, с. 7] и, тем самым, в обретении семантической маркированности для трансформации в культурный код.

Статистически выявлено, что первое место по репрезентативности в символическом портрете личности в АЯ и РЯ лингвокультурах уверенно занимает **черный** цвет, символический потенциал которого интегрирует в обоих языках самые разные характеристики человека (*черная меланхолия, в глазах черно, черная душа, черный юмор, черный поп, черное духовенство, черные береты, черная кость; black dog, black as shade, blackleg* ‘мошенник’, *the black man* ‘дьявол, сатана’, *the black gang* ‘работяга’, *talk until one is black(blue) in the face* ‘утомить болтовней’ и др.). **Красный** цвет в РЯ отчетливо сохраняет несколько архаичное значение «красивый, прекрасный» (*красна девица, красный молодец, Владимир Красно Солнышко*), **золотой** восторженно акцентирует *личностные достоинства человека (золотые руки, золотая душа, золотое сердце, золотая голова и др.)*, а **розовый** – *однозначный цвет заблуждения (смотреть*

сквозь **розовые** очки, видеть / представлять в **розовом** свете / цвете, окрашивать в **розовый** цвет). Символические значения зеленого цвета в обоих языках демонстрируют сходство (молодость, неопытность: молодозелено, *green as grass*), но в АЯ зеленый четко ассоциируется еще и с завистью / ревностью (*look through green glasses, the green-eyed monster, to wear yellow stockings, to look through green glasses*).

В целом, в РЯ лингвокультуре в национальном портрете личности, формируемом через символизм цветообозначений, доминируют *черты личности и характера* и указание на *профессию и социальный статус* личности. В АЯ цветовом когнитиве личности акцентированы эмоции *печали / уныния / тоски* и *черты личности / характера*.

Проведенное нами исследование этнокультурной специфики осмысления и оценки эмоций в различных лингвокультурах (на материале фразеологического фонда национальных языков) также позволило выявить ряд значимых акцентов мировидения народа, определяющих восприятие личности, поведение и общение. Так, ключевой моделью осмысления состояний *страха* и *гнева / ярости* и структурирования фразеологических единиц с семами «страх» и «гнев / ярость» в русском (РЯ), английском (АЯ) и туркменском (ТЯ) языках является антропоморфная модель, в которой проявляется фразеологическая активность *соматического культурного кода*. Можно утверждать, что состояния страха и гнева / ярости «физиологичны», вегетативны, что является общечеловеческим и вненациональным признаком. Во всех трех лингвокультурах самым частотным «жилищем страха» является «сердце» (*сердце останавливается / замирает / в пятки ушло; ýel ýürek* ‘сердце трепещет’, *ýüregi agzuna gelmek* ‘сердце к горлу поднялось’; *one’s heart turns sick / stood still, put fear in one’s heart*). Сходство осмысления и оценки состояния страха через символичность однозначно доминирующего соматического культурного кода в разных лингвокультурах, по сути, подтверждает общее понимание страха как глубокого, внутреннего, ресурсного напряжения.

Гнев, в отличие от страха, «диалогичен», направлен на иное лицо / объект, гнев демонстративен и зачастую активен: имеет «деятельностный» характер, что, можно полагать, и определяет этнокультурную специфику и различия символичности культурных кодов в вербализации гнева / ярости. В РЯ гнев передается через символизм *артефактного* (доминирующего), *антропоморфного* и *духовного* кодов (*лезть в бутылку, снести крышу; кровь ударила в голову, точить зуб, сверкать глазами; дьявол (бес) вселился, злой как черт, сделался чертом*). В АЯ и ТЯ гнев вербализуется через *антропоморфный* культурный код ((АЯ) *make smb’s blood boil, one’s blood is up, tear one’s hair, one’s hair stands on end, one’s eyes flash fire* и др.; (ТЯ) *gahar depäňe çykamak* ‘гнев ударил в голову’,

yeñsän gatamak ‘затылок занемел / заледенел’, *yeñse damaryñdan tutulmak* ‘затылок свело / заломило’, *gözüñ bilen iyäýjek bolmak* ‘пожирать глазами’, *gözüñde ok bolsa ataýjak bolmak* ‘стрелять глазами как пулями’ и др.). Иные культурные коды в этих языках в осмыслении гнева менее репрезентативны, а отсылочные образы весьма разнообразны и зачастую единичны. Этнокультурная специфика в символизме культурных кодов особенно четко проявляется в эмотивности элементов артефактного и природного кодов: (ТЯ: *gamçysyndan gan dammak* ‘кровь из **кну**та капает’, *içinden ok bolup geçmek* ‘как **стрелой** прошибло’, *misi ýarylmak* ‘**сафьян** рвется’, *kejebäñ garyşmak* ‘столкнуться **паланкинами**’, *bite gahar etmek* ‘злиться на **клопов**’, *gazap atynaatlanmak* ‘оседлать ретивого **коня**’).

Важная образовательная значимость предлагаемого научного метода исследования в учебно-исследовательской и научно-исследовательской деятельности студентов заключается в формировании самостоятельного научного мышления и методологической грамотности студентов; расширении лингвистического кругозора через уяснение информативности знаков языка (как кодов культуры) в качестве инструментов познания лингвокультуры, этнокультурной ментальности, социальной реальности; развитии познавательной самостоятельности студентов и коммуникативной поливалентности личности. В образовательном процессе использование предлагаемого метода в заданиях эвристического типа найдет свое применение в рамках преподавания ряда дисциплин: «Психолингвистика», «Социолингвистика», «Лингвокультурология», «Этнокультурология», «Язык СМИ», «Риторика», «Герменевтика», «Стилистика», «Политический имиджмейкинг», «Основы межкультурной коммуникации» и др.

В использовании данного метода органично интегрируются как его дидактическое назначение в образовательном процессе, так и теоретическая и практическая значимость результатов, полученных в ходе научных исследований, проведенных на его основе.

Так, исследования с использованием прилагаемого нами *метода оценки семантического пространства лингвокультуры через определение символической нагрузки и оценочности культурного кода в единицах языка и речи* способно выявить лингвокультурные различия суггестивных, когнитивно-аффективных, чаще всего неосознаваемых механизмов формирования установок сознания, которые выступают социальными и психологическими регуляторами человеческой активности и отношения к личностям, явлениям, ситуациям, деятельности в современном поликультурном и полиэтничном мире. Тем самым, результаты исследования представляют интерес для специалистов в области социальной психологии, культурологии, теории массовой коммуникации.

Сравнительное исследование в рамках различных лингвокультурных

сообществ (например, на материале русскоязычного и англоязычного политического дискурса) позволит выявить контрастивные и, возможно, конфронтативные этнокультурные акценты и стереотипы, детерминирующие и / или препятствующие современной интеграции и диалогу культур не только на политической арене, но и в целом в глобальном коммуникативном пространстве. Тем самым, можно предположить о значимости ожидаемых результатов исследования для теории и практики межкультурной коммуникации.

В социологии и психологии метод может быть использован как способ обнаружения имплицитных эффектов воздействия в медийных текстах, задаваемых символичностью культурных кодов и формирующих в массовом сознании аудитории те или иные ценностные доминанты и «правильную» социальную перцепцию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Иссерс, О. С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность / О. С. Иссерс // Вестн. Ом. ун-та. – 2011. – С. 227–232.
2. Ковшова, М. Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры / М. Л. Ковшова // Изв. Рос. акад. наук. Сер. литературы и языка. – 2008. – Т. 67. – № 2. – С. 60–65.
3. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 283 с.
4. Лукашенко, Е. С. Функционально-номинативный потенциал цветообозначений в контексте когнитивной парадигмы: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. / Е. С. Лукашенко. – Н. Новгород, 2011. – 24 с.